

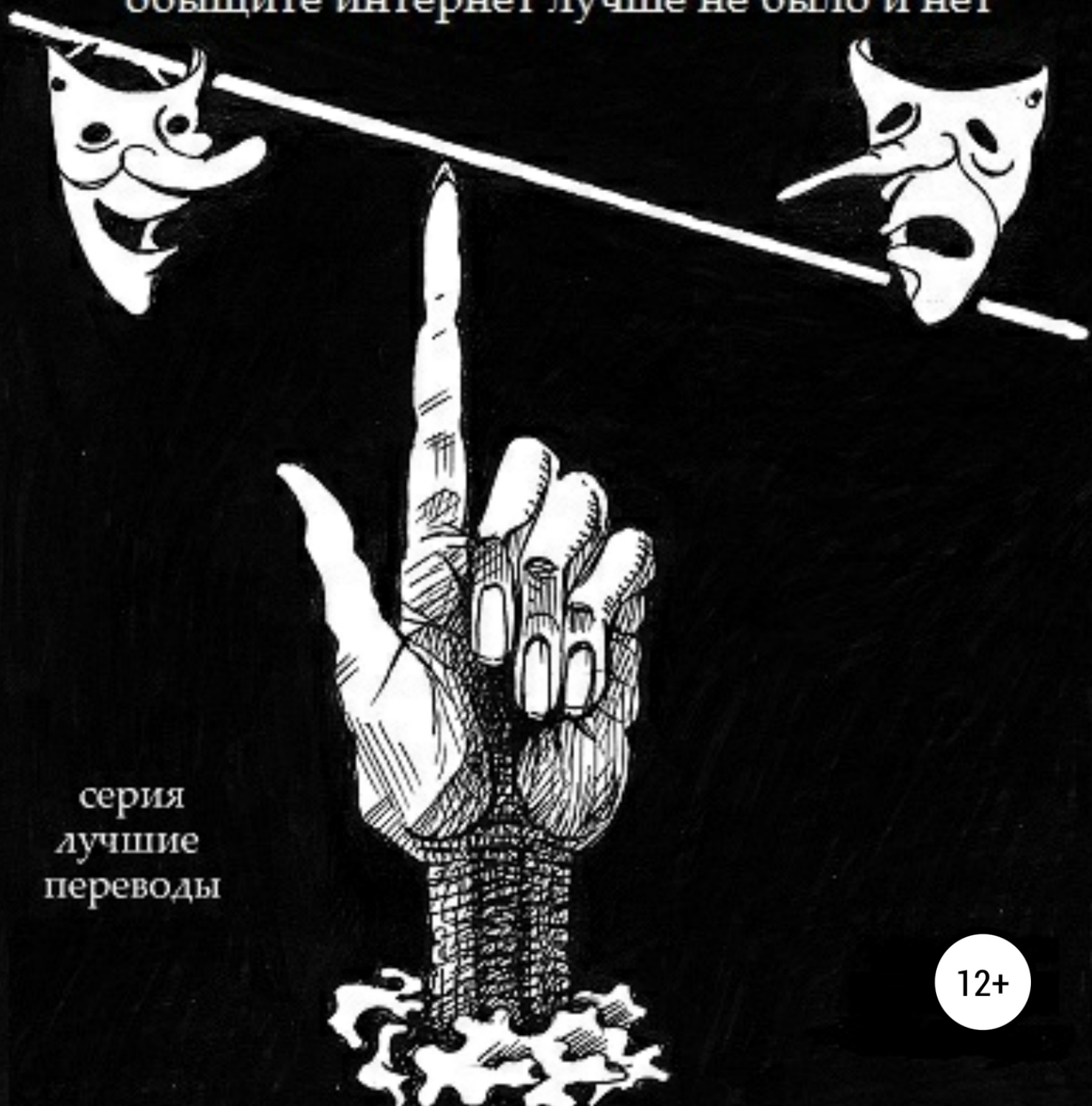
библиотека школьника

ШЕКСПИР

Сонеты Гамлет

перевод Николая Самойлова

обыщите интернет лучше не было и нет

серия
лучшие
переводы

12+

Уильям Шекспир

**Сонеты. Гамлет в переводе
Николая Самойлова**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шекспир У.

Сонеты. Гамлет в переводе Николая Самойлова / У. Шекспир —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-03965-0

Известны сонеты Шекспира в переводе Маршака. У него все сонеты посвящены женщине, этим он лишил их трагического накала страстей, когда герой узнаёт о двойной измене. Это издание произведений Шекспира является уникальным в современной Российской литературе. Переводчик избавил Шекспира от литературных наслоений, нанесённых переводчиками двадцатого века. Самойлов показал реальное и, как оказалось, весьма актуальное творчество мирового гения. Знакомьтесь с трагедией «Гамлет», поражающей воображение накалом страстей: Призрак, яд, убийство брата, вероломство друзей, любовь, дружба, отчаянье героя, смерть любимой, месть. Всё это вы найдёте в этой трагедии.

ISBN 978-5-532-03965-0

© Шекспир У., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

сонеты	5
Конец ознакомительного фрагмента.	54

СОНЕТЫ

1

From fairest creatures we desire increase,
That thereby beauty's rose might never die,
But as the ripper should by time decease,
His tender heir might bear his memory:
But thou, contracted to thine own bright eyes,
Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
Making a famine where abundance lies,
Thyself thy foe, to thy sweet self too cruel.
Thou that art now the world's fresh ornament
And only herald to the gaudy spring,
Within thine own bud buriest thy content,
And, tender churl, mak'st waste in niggarding:
Pity the world, or else this glutton be,
To eat the world's due, by the grave and thee.

1

Потомство ждём от перла красоты,
Так роза красоты не умирает;
Когда увянут зрелые цветы –
Наследники их память сохраняют.

Но ты обвенчан взглядом ясных глаз,
Своею красотой любовь питаешь,
При избытии себя за разом раз,
Как злейший враг, на голод обрекаешь.

Ты – украшенья мира, эталон,
Красот весны единственный глашатай,
Свой милый облик, хороня в бутон,
Как скряга, расточаешь скудной платой.

Не будь обжорой, обижая мир,
С могилой на двоих, устроив, пир.

2

When forty winters shall besiege thy brow,
And dig deep trenches in thy beauty's field,
Thy youth's proud livery so gazed on now
Will be a tottered weed of small worth held:
Then being asked where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days,
To say within thine own deep-sunken eyes
Were an all-eating shame, and thriftless praise.
How much more praise deserved thy beauty's use,
If thou couldst answer, 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse',
Proving his beauty by succession thine.

This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

2

Когда чело осадят сорок зим,
На поле красоты, воюя с плотью,
Наряд, в котором ты неотразим,
Износится, став жалким, как лохмотья;

Тогда то, если спросят, где сейчас
Великолепье юного наряда
Не говори: «В глубинах впалых глаз».
Ответ сочтут бесстыдной бравадой.

Достойнее сказать: « Я жил не зря,
Вот оправданье старости – ребёнок.
Старался я, в нём копию творя,
Поэтому он мой портрет с пелёнок.

Я, постарев, как будто молод вновь:
Остыв во мне, пылает в сыне кровь».

3

Look in thy glass and tell the face thou viewest,
Now is the time that face should form another,
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.
For where is she so fair whose unearned womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love to stop posterity?
Thou art thy mother's glass, and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles, this thy golden time.
But if thou live rememb' red not to be,
Die single, and thine image dies with thee.

3

Глянь в зеркало, увидев отраженье,
Скажи: «Пора живой портрет создать».
Обманешь мир, не выполнив решенье,
У девушки отнимешь благодать.

Ведь где же та, которая не рада
Дать девственное лоно распахать?
А может быть любовь к себе – преграда,
Она велит бездетным умирать?

Для рода стать гробницей – вероломство,
Ты – зеркало для матери своей,
Она – в тебе, а ты – в своём потомстве

Вернёшь себе апрель минувших дней.

Но, если ты решил прервать свой род,
Живи один, и образ твой умрёт.

4

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thyself thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:
Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?
For having traffic with thyself alone,
Thou of thyself thy sweet self dost deceive:
Then how, when Nature calls thee to be gone,
What cceptable audit canst thou leave?
Thy unused beauty must be tombed with thee,
Which us d lives th'executor to be.

4

Зачем свою красу – богатство рода
Транжиришь на себя, прелестный мот?
Она не дар, расщедрившись, природа
Её с возвратом щедрому даёт.

Прекрасный скряга, почему ты ссуду
Не поспешишь хозяину вернуть?
Без счёта тратя, задолжал повсюду,
Забыв, что в каждой сделке – прибыль суть.

Хитришь, ведёшь дела с самим собою,
Живя обманом, ты уже банкрот,
Когда судьба отправит смерть с косою,
Где ты возьмёшь приемлемый отчёт?

Делись с детьми своею красотой,
Пока не похоронена с тобой.

5

Those hours that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell
Will play the tyrants to the very same,
And that unfair which fairly doth excel;
For never-resting time leads summer on
To hideous winter and confounds him there,
Sap checked with frost and lusty leaves quite gone,
Beauty o'ersnowed and bareness every where:
Then were not summer's distillation left
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,

Nor it nor no remembrance what it was.
But flowers distilled, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

5

То время, что ваяло облик твой,
Таким, что останавливает взгляды,
Расправится с твоею красотой,
Как злой тиран, не знающий пощады;

Неутомимый времени поток
Ведёт к зиме, на смерть от стужи, лето:
Сорвав листву и заморозив сок,
Сады и землю красит белым цветом.

Лишь тот, кто сможет розы аромат
Пленить и заточить в сосуд весною,
Храня в духах, усиленным стократ,
Спасёт от полной гибели зимою.

Теряя плоть, замёрзшие цветы
В духах оставят сущность красоты.

6

Then let not winter's ragged hand deface
In thee thy summer ere thou be distilled:
Make sweet some vial; treasure thou some place
With beauty's treasure ere it be self-killed:
That use is not forbidden usury
Which happies those that pay the willing loan;
That's for thyself to breed another thee,
Or ten times happier be it ten for one;
Ten times thyself were happier than thou art,
If ten of thine ten times refigured thee:
Then what could death do if thou shouldst depart,
Leaving thee living in posterity?
Be not self-willed, for thou art much too fair
To be death's conquest and make worms thine heir.

6

Не дай зиме в тебе испортить лето,
Залей в сосуды жизнь дарящий сок;
Свой облик передай, как эстафету,
Пока не умер красоты цветок.

Так, в рост давая, ты не губишь душу,
Дающий в долг счастливее, чем мот;
Своим потомством, заселяя сушу,
Он прибыль десять к одному берёт.

Кто десять сыновей по десять внуков
Уговорит при жизни подарить,

Тот счастлив будет, смерть опустит руки,
Увидев, что весь род не истребить.

Смири свой нрав, твой облик – совершенство,
Не оставляй его червям в наследство.

7

Lo in the orient when the gracious light
Lifts up his burning head, each under eye
Doth homage to his new-appearing sight,
Serving with looks his sacred majesty;
And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:
But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age he reeleth from the day,
The eyes (fore duteous) now converted are
From his low tract and look another way:
So thou, thyself outgoing in thy noon,
Unlooked on diest unless thou get a son.

7

Гляди, как благодатное светило
Встаёт, пылая гордой головой,
Почёт людей величьем заслужило
И повело их взгляды за собой;

Когда на холм небес взошло неспешно,
Как крепкий человек в расцвете дней,
С земли им любовались взгляды грешных,
Но преданных по – прежнему людей;

Пройдя зенит, оно на колеснице,
Как старость, потащилось на закат,
Людей, недавно, преданные лица,
Прочь отвернулись, в сторону глядят.

Не заведёшь в свой полдень себе сына -
Один, как солнце, встретишь час кончины.

8

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?
If the true concord of well-tun'd sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear;
Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;

Resembling sire, and child, and happy mother,
Who all in one, one pleasing note do sing;
Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee, 'Thou single wilt prove none.'

8

Сам музыка – от музыки грустишь?
Приятное – приятному отрада,
Зачем же любишь то, за что коришь,
И рад принять, несущее досаду?

Быть может, оскорбляет струн упрёк,
Пропетый ими слаженно и дружно:
«Напрасно не хотел жениться в срок -
Один ты будешь никому ненужным».

Смотри, как струны дружат меж собой -
Так мать с отцом поют, лаская сына,
Им нравится, и жить, и петь – семьёй,
Единство – светлой радости причина.

Не разделить трёх стройных голосов:
«Один – ничто!» – поют они без слов.

9

Is it for fear to wet a widow's eye
That thou consum'st thyself in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;
The world will be thy widow and still weep,
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep,
By children's eyes, her husband's shape in mind:
Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it,
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it:
No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

9

Боишься увлажнить глаза вдовы,
Поэтому живёшь ты одиноко?
О! Оправданья эти не новы,
Бездетностью накажешь мир жестоко.

Он будет вечно скорбною вдовой,
Ему твой образ возрождённым нужен,
Обычная вдова, блеснув слезой,
Утешится, увидев, в сыне мужа.

Когда богатство предков тратит мот,

Оно живёт, попав в другие руки,
Кто детям красоту не раздаёт
Тот, её смертью, множит миру муки.

Не любив ни женщин, ни детей
Свой облик убивает, как злодей,

10

For shame deny that thou bear'st love to any,
Who for thyself art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident;
For thou art so possess'd with murd'rous hate,
That 'gainst thyself thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire:
O change thy thought, that I may change my mind!
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:
Make thee another self, for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

10

Стыдись! Не ври, что ты кого – то любишь,
К себе ты неразумен, словно мот;
Любовью окружённый, ты погубишь
Своей безумной ненавистью род.

Так одержим убийственной страстью,
Что строишь козни самому себе.
Храни свой дом – залог любви и счастья,
О нём забота – главное в судьбе.

О, изменись, чтоб поменял я мнение!
Неужто, ненависть важнее, чем любовь?
Будь милостивым, добрым и влеченью
Продолжить в детях род не прекословь.

Уважь меня: живи на белом свете
Так, чтобы красота досталась детям

11

As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st
In one of thine, from that which thou departest,
And that fresh blood which youngly thou bestow'st
Thou mayst call thine, when thou from youth convertest:
Herein lives wisdom, beauty, and increase,
Without this, folly, age, and cold decay:
If all were minded so, the times should cease,
And threescore year would make the world away.
Let those whom Nature hath not made for store,

Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
Look whom she best endowed she gave the more;
Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:
She carved thee for her seal, and meant thereby,
Thou shouldst print more, not let that copy die.

11

Пока ты вянешь, расцветает сын,
В нём часть твоя становится сильнее,
А кровь бурлит, как водопад с вершин,
Ты вправе называть её своею.

В отцовстве мудрость, красота и рост,
Безбрачие – мороз и запустенье.
Будь все, как ты – ушли бы на погост
Все люди мира за три поколения.

Пусть те, кого природа создала
Уродами – погибнут от бесплодия,
Тебе она обильный дар дала –
Делись с детьми и заселяй уголья.

Природою ты создан, как печать,
Чтобы, как оттиск облик повторять.

12

When I do count the clock that tells the time,
And see the brave day sunk in hideous night,
When I behold the violet past prime,
And sable curls all silvered o'er with white,
When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves
Borne on the bier with white and bristly beard:
Then of thy beauty do I question make
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake,
And die as fast as they see others grow,
And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed to brave him when he takes thee hence.

12

Когда часы ведут учёт мгновеньям,
Прекрасный день ночь гасит темнотой,
Фиалка отцветает, а старенье
В кудрях всё гуще блещет сединой,

С деревьев листья падают под ноги,
Они стада спасали в летний зной,
Дары полей на дрогах по дороге,
Везут в снопах с колючей бородой.

Тогда грущу, о друге вспоминая,
В урочный час покинет белый свет,
Нас Время не щадит, серпом срезая,
Готовит место для идущих вслед.

Вступить с ним в спор сумеют лишь потомки,
Когда тебя смерть заберёт в потёмки.

13

O that you were your self! but, love, you are
No longer yours than you yourself here live;
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:
So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Your self again after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.
Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?
O, none but unthrifths: dear my love, you know
You had a father, let your son say so.

13

О, пусть бы ты себе принадлежал!
Владеть собой позволено живому,
Спеши, пока от жизни не устал
Свой милый облик передать другому.

Чтоб люди наслаждались красотой,
Её в аренду взяв, не будь беспечным –
Пусть после смерти милый облик твой
Твои потомки воплощают вечно.

Кто пустит холод в свой прекрасный дом,
Даст смерти привести его в упадок,
Позволит разорить, пустить на слом,
Когда есть силы наводить в порядок?

Один лишь мот! С отцом вы очень схожи,
Пускай и сын твой это скажет то же.

14

Not from the stars do I my judgment pluck,
And yet methinks I have astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;
Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:

But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive
If from thy self to store thou wouldst convert:
Or else of thee this I prognosticate,
Thy end is truth's and beauty's doom and date.

14

На изученье звёзд ночей не трачу,
Но всё же с астрономией знаком.
Не так, чтобы предсказывать удачу,
Чуму и голод чувствовать нутром;

На каждый миг не в силах дать совета,
Не укажу на дождь и град в судьбе,
Разглядывая звёзды и планеты,
Дела царей не предскажу тебе.

Иная для пророчеств есть причина -
Твои глаза сумели убедить,
Что будет правда с красотой едина,
Когда начнёт твой облик в сыне жить.

А если ты захочешь жить иначе -
О красоте и правде мир заплачет.

15

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;
When I perceive that men as plants increase,
Cheer'd and check'd even by the selfsame sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory:
Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with Decay
To change your day of youth to sullied night,
And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I ingraft you new.

15

Всё то, что на земле произрастает,
Бывает совершенным только миг;
На сцене мира звёзды управляют
Спектаклем, непонятым для других;

Растенья и людей роднит порядок:
Рост каждого зависит от небес,
В зените начинается упадок,
Забвением кончается регресс.

Итог раздумий – грусть от пониманья:
Мой друг сегодня юностью богат,
Но время, ускоряя увяданье,
Стремится полдень превратить в закат.

Люблю тебя, прийти на помощь рад,
Что время заберёт – верну назад.

16

But wherefore do not you a mightier way
Make war upon this bloody tyrant Time,
And fortify yourself in your decay
With means more blessed than my barren rhyme?
Now stand you on the top of happy hours,
And many maiden gardens, yet unset,
With virtuous wish would bear your living flowers,
Much liker than your painted counterfeit:
So should the lines of life that life repair
Which this time's pencil or my pupil pen
Neither in inward worth nor outward fair
Can make you live yourself in eyes of men:
To give away yourself keeps yourself still,
And you must live drawn by your own sweet skill.

16

Ну почему нет у тебя желанья
Тирана – Время усмирить войной
И защитить себя от увяданья
Надёжнее, чем стих бесплодный мой?

Сейчас живёшь ты на вершине счастья,
Глянь, как просторно в девственных садах,
Они готовы за твоё участие
Твой облик повторить в живых цветах.

Жизнь, этим, обновив его умело,
Точнее чем перо и твой портрет
Покажет людям как душой и телом
Ты был красив в расцвете юных лет.

Отдав себя, ты сохранишь в другом
Себя своим любовным мастерством.

17

Who will believe my verse in time to come
If it were filled with your most high deserts?
Though yet, heaven knows, it is but as a tomb
Which hides your life, and shows not half your parts.
If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say, `This poet lies;

Such heavenly touches ne'er touched earthly faces.'
So should my papers (yellowed with their age)
Be scorned, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be termed a poet's rage
And stretch'd metre of an antique song:
But were some child of yours alive that time,
You should live twice, in it and in my rhyme.
17

В грядущем не поверят и странице,
Где похвалой тебе наполнен стих,
Хоть видит небо, что она – гробница
Для половины доблестей твоих.

А если мне поможет вдохновенье
Правдиво описать в стихах портрет,
Потомок закричит от возмущенья:
«Таких красавцев не было, и нет!»

Листая пожелтевшие страницы,
Презрительно он скажет: » Автор лжёт,
Описывая ангельские лица,
Болтун мечты за правду выдаёт».

Что я правдив, своею красотой
Поможет доказать ребёнок твой.
18

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date;
Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed;
And every fair from fair sometime declines,
By chance or nature's changing course untrimmed:
But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall Death brag thou wand'rest in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st.
So long as men can breathe or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.
18

Сравнить ли мне тебя с июньским днём?
Ты краше и умеренней при этом:
Май бурей расправляется с цветком,
На очень краткий срок даётся лето;

Порою слишком жжёт небесный глаз,
Но чаще скромно прячется за тучей,
Прекрасное – прекрасно только час,

Капризен и силён в природе случай;

Твоя краса принадлежит векам,
Её не портят ни зима, ни лето,
Таскаясь чёрной тенью по пятам,
Не может смерть убить мои сонеты.

Покуда люди дышат и читают,
Они тебя забыть не позволяют.

19

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:
O, carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.
Yet, do thy worst, old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

19

Обжора Время, тигру зубы рви,
Тупи льву когти, убавляя силы;
Плоть Феникса сожги в его крови,
Земле верни всё то, что породила;

Твори в полёте и декабрь, и май;
Что хочешь делай, быстрое мгновенье,
Красоты мира старь и разрушай,
Одно лишь запрещаю преступленье:

Не тронь пером чело моей любви,
От злобы дней огороди барьером,
Старение навек останови,
Пусть будет для потомков он примером.

А, впрочем, навреди, как и другим,
В моих стихах жить будет молодым.

20

A woman's face with Nature's own hand painted
Hast thou, the master-mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion;
An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;

A man in hue, all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.
And for a woman wert thou first created,
Till Nature as she wrought thee fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.
But since she pricked thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

20

Ты с женским ликом создан был природой,
Душой и господин, и госпожа;
Нежнее женщин сердцем, но отроду
Живёшь, лишь постоянством дорожа;

Глаза чисты, в них нет игры обмана,
Любой предмет под взглядом – золотой;
Мужская стать – прекрасней нету стана,
Никто не устоит перед тобой.

Тебя творила женщиной природа,
Но полюбив, мужчиной создала,
Добавив то, что мне не нужно сроду,
Тем у меня навеки отняла.

Прошу её: Дай мне без вероломства
Его любовь, а женщинам – потомство.

21

So is it not with me as with that Muse,
Stirred by a painted beauty to his verse,
Who heaven itself for ornament doth use,
And every fair with his fair doth rehearse,
Making a couplement of proud compare
With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
With April's first-born flowers, and all things rare
That heaven's air in this huge rondure hems.

O let me, true in love, but truly write,
And then believe me, my love is as fair
As any mother's child, though not so bright
As those gold candles fixed in heaven's air:
Let them say more that like of hearsay well,
I will not praise that purpose not to sell.

21

Я не из тех, чью музу вдохновляет
Писать стихи фальшивая краса,
Кто прелести любимых прославляет,
Используя в сравненьях небеса.

Не забыв чудес земли и моря,
Соврёт и про весенние цветы,

Расхваставшись, в безудержном задоре
Причислит к редким перлам красоты.

Позвольте мне быть искренним в сонетах;
Мой юный друг, признаюсь не шутя,
Не так хорош, как звёзды, но при этом
Прекрасен, как для матери дитя:

Но я не буду цену набивать
Тому, чем не намерен торговать.

22

My glass shall not persuade me I am old,
So long as youth and thou are of one date,
But when in thee time's furrows I behold,
Then look I death my days should expiate:
For all that beauty that doth cover thee
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me.
How can I then be elder than thou art?
O therefore, love, be of thyself so wary
As I not for myself but for thee will,
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill:
Presume not on thy heart when mine is slain;
Thou gav'st me thine, not to give back again.

22

Стекло зеркал не убедит, что стар,
Пока ты будешь юности ровесник,
Когда тебя лишат морщины чар,
Тогда придёт ко мне о смерти вестник.

Твоя краса для сердца, как наряд,
Оно – в тебе, твоё – во мне на марше,
Сердца, считая время в такт стучат,
Так как же я могу тебя быть старше?

Поэтому побереги себя:
Сердца у нас с тобой неразделимы,
Твоё в груди ношу я для тебя,
Как нянька, берегу неутомимо.

Но не надейся получить назад,
Когда моё убьёт смертельный яд.

23

As an unperfect actor on the stage,
Who with his fear is put besides his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart;
So I, for fear of trust, forget to say

The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharged with burden of mine own love's might:
O let my books be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more expressed.
O learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

23

Как, оробев, молчит плохой актёр,
Забыв слова давно знакомой роли,
Как вспыльчивый, дав ярости простор,
Себя доводит до сердечной боли;

Так я, робея, клятвы позабыл,
Нарушив тем влюблённых ритуалы,
И кажется любовь теряет пыл,
Подавленная бременем накала.

О пусть заменит красноречье – взгляд,
Пусть сердце говорит с тобой глазами,
Раз о любви взыскующей наград
Сказали больше, чем язык словами.

Учись читать в глазах, ведь у любви
Уменье взглядом говорить в крови.

24

Mine eye hath played the painter and hath stelled
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And p rrspective it is best painter's art.
For through the painter must you see his skill
To find where your true image pictured lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glaz d with thine eyes.
Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, wherethrough the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee.
Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

24

Мои глаза – художники умело
Запечатлели в сердце твой портрет;
Ему живую рамой служит тело,
Для красоты надёжней места нет,

Ведь взгляды глаз учли и перспективу,

В груди располагая образ твой,
Ты помещенье осветил на диво,
Стекля глазами окна в мастерской.

Теперь у глаз взаимные услуги:
Мои – изобразили твой портрет,
Но и твои заботились о друге,
Мне в грудь, как окна, запуская свет.

Жаль, что, рисуя копию с лица,
Глаза не могут постигать сердца.

25

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars,
Unlooked for joy in that I honour most.
Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.
The painful warrior famous of old fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour razed quite,
And all the rest forgot for which he toiled:
Then happy I that love and am beloved
Where I may not remove, nor be removed.

25

Пусть те, кому созвездья дарят счастье,
Имеют деньги, титул и почёт.
Моя Фортуна путь закрыла к власти,
Безвестный рад тому, что жизнь даёт.

При ласке государя фавориты,
Как ноготки, под солнышком цветут,
Нахмурится – и вянет радость свиты,
Блаженство длится несколько минут.

Усердный воин, баловень удачи,
Разбитый, после тысячи побед,
От бывшей славы не получит сдачу,-
Все подвиги забудет тут же свет.

Тобой любимый, рад тебя любить -
Никто не может нас любви лишить.

26

Lord of my love, to whom in vassalage
Thy merit hath my duty strongly knit,
To thee I send this written ambassage
To witness duty, not to show my wit;

Duty so great, which wit so poor as mine
May make seem bare, in wanting words to show it,
But that I hope some good conceit of thine
In thy soul's thought (all naked) will bestow it,
Till whatsoever star that guides my moving
Points on me graciously with fair aspect,
And puts apparel on my tottered loving,
To show me worthy of thy sweet respect:
Then may I dare to boast how I do love thee,
Till then, not show my head where thou mayst prove me.

26

Прекрасный властелин моей любви,
Я твой вассал, до гроба верный данник,
К письму – посольству милость прояви,
В нём лишь почтенье, острый ум изгнанник.

Он не сумел найти достойных слов,
Посольство встанет голым пред тобою,
За это не гони моих послов,
Согрей в душе своею добротою.

Быть может, путеводная звезда
Проявит милость, выполнит желанья,
Любовь нарядит, докажу тогда,
Что я достоин твоего вниманья.

Осмелившись, любовью похваюсь,
А до того к тебе не появлюсь.

27

Weary with toil, I haste me to my bed,
The dear repose for limbs with travel tired,
But then begins a journey in my head,
To work my mind, when body's work's expired;
For then my thoughts (from far where I abide)
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see;
Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel (hung in ghastly night),
Makes black night beautiful, and her old face new.
Lo thus by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

27

Устав в пути, спешу я лечь в постель,
Сулящую желанный отдых телу,
Коснусь подушки – мысли, как метель,
Мозг утомляя, приступают к делу.

Мечты и думы трогаются в путь,
Летят к тебе, пронзая дали ночи,
Мешая и на миг глаза сомкнуть,
Как два слепца на тьму взирают очи.

Воображение спешит глазам помочь,
Незрячий взор твой призрак видит ясно,
Как бриллиант, он озаряет ночь,
Тьму, делая и юной, и прекрасной.

Так ноги днём, а мысль ночной порою,
Стремясь к тебе, мне не дают покоя.

28

How can I then return in happy plight
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eased by night,
But day by night and night by day oppressed;
And each (though enemies to either's reign)
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.
I tell the day to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven;
So flatter I the swart-complexioned night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even:
But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make griefs' strength seem stronger.

28

Как состоянье счастья мне вернуть,
Ведь благодати отдыха не знаю:
От тягот дня стараясь отдохнуть,
Себя сильнее ночью утомляю?

Хоть день и ночь – враги между собой,
Меня пытая,жимают руки:
День валит с ног дорожной суетой,
А ночь мешает спать тоской разлуки.

Чтоб угодить, твержу в ненастье: День,
Мой друг сегодня солнце заменяет,
Когда созвездья тучи прячут в тень,
Он вместо них тьму ночи украшает.

Но дни в ответ мои печали множат,
А ночь тоскою всё усердней гложет.

29

When in disgrace with Fortune and men's eyes,
I all alone beweep my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,

And look upon myself and curse my fate,
Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;
Yet in these thoughts myself almost despising,
Naply I think on thee, and then my state
(Like to the lark at break of day arising
From sullen earth) sings hymns at heaven's gate;
For thy sweet love rememb' red such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

29

Когда, гонимый злобой и судьбой,
Отверженный и одинокий, плачу,
Тревожа небо жалобой – мольбой,
Напрасно на проклятья силы трачу,

Мечтаю уподобиться всем тем
Чьи доблести людское хвалит мненье,
Завидуя я злюсь, не пью, не ем,
Чем вызываю сам к себе презренье.

Раскаявшись, вдруг, вспомнив о тебе,
Перестаю завидовать и злиться,
Моя душа назло лихой судьбе,
Как птица, в небо с песнею стремится.

Тогда я, мыслью о любви твоей,
Счастливей и богаче королей.

30

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:
Then can I drown an eye (unused to flow)
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancelled woe,
And moan th'expense of many a vanished sight;
Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoan d moan,
Which I new pay as if not paid before:
But if the while I think on thee (dear friend)
All losses are restored, and sorrows end.

30

Когда на суд немых, заветных дум
Воспоминанья вызываю снова, -
Горюет о несбывшемся мой ум
И судит за растрату лет сурово,

Тогда глаза, не ведавшие слёз,
Бывают вновь затоплены слезами:
От мук любви стенаю я всерьёз,
Бесценны те, кто были мне друзьями;

Горюя из – за прожитых обид,
Болею тяжко, как болел когда – то,
Печальный счёт страданий не закрыт,
За каждый грех удваиваю плату.

Но стоит мне подумать о тебе,
Как снова благодарен я судьбе.

31

Thy bosom is endear d with all hearts,
Which I by lacking have suppos d dead,
And there reigns love and all love's loving parts,
And all those friends which I thought buri d.
How many a holy and obsequious tear
Hath dear religious love stol'n from mine eye,
As interest of the dead, which now appear
But things removed that hidden in thee lie!
Thou art the grave where buried love doth live,
Hung with the trophies of my lovers gone,
Who all their parts of me to thee did give;
That due of many now is thine alone.
Their images I loved I view in thee,
And thou (all they) hast all the all of me.

31

В твоей груди стучат сердца людей,
Которых не считал уже живыми;
Там царствует теперь любовь друзей,
Лежащих под камнями гробовыми.

Как много горьких, погребальных слёз
Любовь из глаз похитила напрасно,
Я горевал над мёртвыми всерьёз,
Теперь в тебе их лица вижу ясно!

Ты, словно склеп, вмещаешь всю любовь
Моих подруг, и ветреных, и строгих,
Взяв их права, ты собираешь вновь
Те чувства, что растратил я на многих.

В тебе все те, кого любил в былом,
Ты – с ними – мной владеешь целиком.

32

If thou survive my well-contented day,
When that churl Death my bones with dust shall cover,

And shalt by fortune once more re-survey
These poor rude lines of thy deceased lover,
Compare them with the bettering of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.
O then vouchsafe me but this loving thought:
'Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought
To march in ranks of better equipage:
But since he died, and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love.'

32

Быть может, ты тот день переживёшь,
Когда в могилу Смерть зароет кости,
Надеюсь, что найдёшь и перечтёшь,
Мои стихи, горя у на погосте.

Сравнишь их со стихами молодых,
Найдя в моих трудах несовершенство
Ты всё – же сохрани в архиве их,
В честь нами пережитого блаженства.

Одной лишь мысли удостой меня:
«Будь друг живым – не вышло бы конфуза,
Сегодня, друга за талант ценя,
Держала бы его любимцем Муза,

Но умер он, взошла другая новь,
Я чту их стиль, а в нём – его любовь».

33

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy,
Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:
Even so my sun one early morn did shine
With all triumphant splendor on my brow;
But out alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath masked him from me now.
Yet him for this my love no whit disdaineth:
Suns of the world may stain, when heaven's sun staineth.

33

Не раз я видел, как вершины гор
Прекрасным утром чествует светило,
Как на луга, державный бросив взор,

Алхимией потоки золотило.

Уроды – тучи набегали вдруг,
Себя унижить солнце позволяло,
Богopodobный лик за тучей тух,
Невидимым на запад уползало.

Земное солнце блеском дивных глаз
Мой лоб однажды утром озарило.
Увы, оно светило мне лишь час,
Потом от глаз разлука – туча скрыла.

И всё ж любовь его не презирает -
Без пятен даже солнце не бывает.

34

Why didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy brav'ry in their rotten smoke?
'Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:
Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
Th'offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.
Ah, but those tears are pearl which thy love sheeds,
And they are rich and ransom all ill deeds.

34

Зачем ты мне прекрасный день сулил,
Шёл без плаща, беспечный как повеса,
Настигли злые тучи, дождь полил,
Нас разделив, уродливой завесой?

Не похваляю за то, что сквозь туман
Придёшь согреть и ласкою, и лестью.
Ты, как бальзам, спасёшь меня от ран,
Но исцелить не сможешь от бесчестья.

От горя не поможет мне твой стыд,
Убытки не покроют сожаленья,
Когда несёшь тяжёлый крест обид,
Сочувствие плохое утешенье.

Но слёзы, что пролил из состраданья,
Заставили забыть твои деянья.

35

No more be grieved at that which thou hast done:

Roses have thorns, and silver fountains mud,
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.
All men make faults, and even I in this,
Auth rizing thy trespass with compare,
Myself corrupting salving thy amiss,
Excusing thy sins more than their sins are;
For to thy sensual fault I bring in sense –
Thy adverse party is thy advocate –
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate
That I an ccessary needs must be
To that sweet thief which sourly robs from me.
35

За старый грех тоской себя не мучай:
У роз шипы, в источнике песок,
И солнце, и луну пятнают тучи,
В бутон забрался гадкий червячок.

Никто не свят, и я в сонетах грешен -
Твоим делам законность придавал,
Оправдывал: Мой друг в словах поспешен,
И грех твой над другими возвышал.

Разумность придавал твоим проступкам,
Как адвокат оправдывал вину,
Себя судил, тебе шёл на уступки,
Любовь и ненависть ведут во мне войну.

Выходит, я невольно помогал,
Тому, кто у меня безбожно крал.

36

Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.
In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.
I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewail d guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name:
But do not so; I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.
36

Позволь признать, что мы разделены,
Хотя в любви по – прежнему едины,

На мне одном бесчестье от вины,
Тебя пятнать позором нет причины.

В любви у нас привязанность одна,
А зло своё у каждого с рожденья,
Любовь не тронет, слишком уж сильна,
Но украдёт часы у наслажденья.

Чтоб на тебя не навлекать позор,
Не покажу, что мы знакомы лично;
Чтоб честь твою не задевал укор,
И ты не признавай меня публично.

Храни себя, ты всё, что в жизни есть;
Мне дороги и жизнь твоя, и честь.

37

As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;
For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Intituled in thy parts, do crown'd sit,
I make my love ingrafted to this store:
So then I am not lame, poor, nor despised,
Whilst that this shadow doth such substance give,
That I in thy abundance am sufficed,
And by a part of all thy glory live:
Look what is best, that best I wish in thee;
This wish I have, then ten times happy me.

37

Как рад старик – отец успехам сына,
Вершащего деянья юных дней,
Так, раненый Фортуной без причины,
Себя утешу верностью твоей.

Ведь красоту, богатство, ум и славу,
Вдобавок ко всему и знатный род
Тебе судьбой дарованы по праву,
Мою любовь прибавь к числу щедрот.

Забуду всё: и бедность, и презренье,
Увидев, как ты счастлив и богат,
От этих благ довольствуясь лишь тенью,
Жить частью твоей славы буду рад.

Всё лучшее, что есть в людской судьбе
Я буду счастлив, находить в тебе

38

How can my Muse want subject to invent
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?
O give thyself the thanks if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight,
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thyself dost give invention light?
Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke,
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.
If my slight Muse do please these curious days,
The pain be mine, but thine shall be the praise.

38

Как может муза медлить хоть мгновенье,
Когда перед глазами образ твой?
Ты так красив, что чувство восхищенья
Не выразит бумаги лист простой.

Благодари себя, когда в сонете,
Найдёшь на что вниманье обратить,
Лишь тот, кто глуп, не сможет стать поэтом,
Ты вдохновляешь каждого творить.

Так стань же музой в десять раз сильнее,
Чем были раньше девять остальных,
Пусть каждый, кто возьмётся, пламенея,
Создаст прекрасный и бессмертный стих.

А если мой сонет заслужит славу,
Отдай мне труд, хвала твоя по праву.

39

O how thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?
Even for this, let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deserv'st alone.
O absence, what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,
And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain.

39

О, как воспеть достоинства твои,

Ведь ты же моя суть, моя частица?
Что могут дать тебе хвалы мои?
Как похвалив тебя, не возгордиться?

Для этого придётся врозь пожить,
Пускай отъезд любви уменьшит славу,
Зато смогу я издали хвалить,
Воздать почёт, заслуженный по праву.

Какою пыткой был бы нам досуг,
Тоскою удлиняя дни разлуки,
Когда бы, не имел свободы дух
Мечтами о любви облегчить муки!

Используя полученный урок,
Хвалю того, кто от меня далёк.

40

Take all my loves, my love, yea, take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine before thou hadst this more.
Then if for my love thou my love receivest,
I cannot blame thee for my love thou usest;
But yet be blamed, if thou thyself deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.
I do forgive thy robb'ry, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty;
And yet love knows it is a greater grief
To bear love's wrong than hate's known injury.
Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites, yet we must not be foes.

40

Возьми мои любви, все до одной,
Забрав все страсти, станешь ли богаче?
Ту, что назвал ты истинной, друг мой,
Теперь твоя, другие все, тем паче.

Коль взял любовь, нарушив дружбы лад,
За то, что я люблю – не упрекаю,
Вот если обманулся – виноват
Своим капризным вкусам потакая.

Прощаю твой грабёж, мой милый вор,
Хоть ты присвоил то, чем я владею,
Но все удары ненависти – вздор,
Любовь нас бьёт и злее, и больнее.

В тебе и зло мне кажется добром,
Убей обидой, но не будь врагом.

41

Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.
Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assailed;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevailed?
Ay me, but yet thou mightest my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth:
Hers, by thy beauty tempting her to thee,
Thine, by thy beauty being false to me.

41

В проступках своеволен по годам.
Когда меня вблизи и в сердце нету
Соблазны за тобою по пятам
И днём, и ночью следуют по свету.

Ты юн и добр – уступчивость в крови,
Поэтому тебя и осаждают;
Когда захочет женщина любви,
Кто отказать ей в ласках пожелает?

И ты, мой друг, соблазн не победил,
Беспутна юность в жажде наслаждений,
Ты, буйствуя, две верности разбил,
Когда вершил захват моих владений:

Её – толкнув к измене красотой,
Свою – нарушив дружбы долг святой.

42

That thou hast her, it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee, is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.
Loving offenders, thus I will excuse ye:
Thou dost love her because thou know'st I love her,
And for my sake even so doth she abuse me,
Suff'ring my friend for my sake to approve her.
If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross.
But here's the joy, my friend and I are one.
Sweet flattery! then she loves but me alone.

42

Не вся печаль, что обладаешь той,
Которая в моей груди царила;
Больнее то, что, овладев тобой,
Она в тебе любовь ко мне убила.

Прощая грех, могу вас оправдать:
Ты любишь, зная, что люблю подругу,
Она ещё желанней хочет стать -
Любовью, доставляя радость другу.

Они владельцы двух моих потерь:
Любимый друг в объятиях любимой,
Любимая владеет им теперь,
Один несу, крест боли нестерпимой.

Могу себя утешить лишь одним:
Мы с ним – одно, выходит, я – любим.

43

When most I wink, then do mine eyes best see,
For all the day they view things unrespected;
But when I sleep, in dreams they look on thee,
And darkly bright, are bright in dark directed.
Then thou, whose shadow shadows doth make bright,
How would thy shadow's form form happy show
To the clear day with thy much clearer light,
When to unseeing eyes thy shade shines so!
How would (I say) mine eyes be bless d made,
By looking on thee in the living day,
When in dead night thy fair imperfect shade
Through heavy sleep on sightless eyes doth stay!
All days are nights to see till I see thee,
And nights bright days when dreams do show thee me.

43

Но если тень для них светлее дня,
То образ твой соперников не знает,
При свете солнца ослепишь меня,
Раз сновиденье так во тьме сияет!

Какое счастье было бы для глаз
Тебя увидеть ясным днём воочью,
Коль с наслаждением в снах, за часом – час,
Разглядывают зыбкий образ ночью.

Пока мы врозь, мне дни темней ночей,
Во сне увижу – ночи дня светлей.

44

If the dull substance of my flesh were thought,
Injurious distance should not stop my way,
For then despite of space I would be brought,

From limits far remote, where thou dost stay.
No matter then although my foot did stand
Upon the farthest earth removed from thee,
For nimble thought can jump both sea and land
As soon as think the place where he would be.
But ah, thought kills me that I am not thought,
To leap large lengths of miles when thou art gone,
But that, so much of earth and water wrought,
I must attend time's leisure with my moan,
Receiving nought by elements so slow
But heavy tears, badges of either's woe.
44

Будь мыслью – плоть, любые расстоянья
Одoleвал бы с лёгкостью мечты,
Пронзал пространства, движимый желаньем
Попасть туда, где пребываешь ты.

Мне было б всё равно, какие дали
Нас разделяют в этот миг с тобой,
Ни суша, ни моря б не удержали
Меня от встречи с радостной судьбой.

Увы, к несчастью, плоть моя бескрыла,
Земля с водою составляют суть,
На жалобы и стон давая силы,
Мешают покорить мгновенно путь.

Медлительные, ничего не дали,
Мне, кроме тяжких слёз моей печали.

45

The other two, slight air and purging fire,
Are both with thee, wherever I abide;
The first my thought, the other my desire,
These present-absent with swift motion slide;
For when these quicker elements are gone
In tender embassy of love to thee,
My life, being made of four, with two alone
Sinks down to death, oppressed with melancholy,
Until life's composition be recured
By those swift messengers returned from thee,
Who even but now come back again assured
Of thy fair health, recounting it to me.
This told, I joy, but then no longer glad,
I send them back again and straight grow sad.

45

Помогут лёгкий воздух и огонь -
Другие элементы мирозданья,
Здесь первый – мысль, она резвей, чем конь,
Второй – неуловимое желанье.

Когда они отправятся к тебе
Посланцами моей любви и веры,
Два остальных живут со мной в борьбе,
Замучив меланхолией сверх меры.

Уныние продлится до тех пор,
Пока послы не принесут ответа:
«Твои тревоги обо мне, друг, вздор -
Я жив, здоров и шлю тебе приветы».

Порадовавшись, вновь их отправляю
К тебе назад, сам тут же в скорбь впадаю.

46

Mine eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight:
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.
My heart doth plead that thou in him dost lie
(A closet never pierced with crystal eyes),
But the defendant doth that plea deny,
And says in him thy fair appearance lies.
To 'cide this title is impannel d
A quest of thoughts, all tenants to the heart,
And by their verdict is determin d
The clear eye's moiety and the dear heart's part:
As thus: mine eye's due is thy outward part,
And my heart's right thy inward love of heart.

46

Не вырваться из замкнутого круга,
У глаз и сердца затянулся спор:
Глаза лишают сердце прав на друга,
А сердце этих прав лишает взор.

Оно скрывает образ твой от взгляда,
А взгляд от сердца твой прекрасный лик,
Я понял: прекращать раздоры надо,
Мозг в споры глаз и сердца мигом вник,

Собрал он мысли: проявите волю,
Мне надоело слушать этот вздор,
Разделим милый образ на две доли.
И этим завершим ненужный спор.

С тех пор у глаз и сердца снова лад:
Любовь чтит сердце, остальное взгляд.

47

Betwixt mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:

When that mine eye is famished for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,
With my love's picture then my eye doth feast,
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest,
And in his thoughts of love doth share a part.
So either by thy picture or my love,
Thyself, away, art present still with me,
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them, and they with thee;
Or if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart to heart's and eye's delight.

47

Теперь у глаз и сердца снова лад,
Услугами друг другу помогают,
Когда глаза от голода грустят
И сердце от тоски изнемогает.

Глаза пируют, глядя на портрет,
И сердце насыщаться приглашают,
Но и глазам отказа тоже нет,
Когда сердечко о тебе мечтает.

Благодаря портрету и мечтам
Ты, находясь вдали, всегда со мною.
Куда бы ни уехал – мысли там,
Я – с мыслями, а значит, и с тобою.

А мысли спят – ты снишься вновь глазам,
Взгляд делит радость с сердцем пополам.

48

How careful was I, when I took my way,
Each trifle under truest bars to thrust,
That to my use it might un-us d stay
From hands of falsehood, in sure wards of trust!
But thou, to whom my jewels trifles are,
Most worthy comfort, now my greatest grief,
Thou best of dearest, and mine only care,
Art left the prey of every vulgar thief.
Thee have I not locked up in any chest,
Save where thou art not, though I feel thou art,
Within the gentle closure of my breast,
From whence at pleasure thou mayst come and part;
And even thence thou wilt be stol'n, I fear,
For truth proves thievish for a prize so dear.

48

Настало время отправляться в путь,
Я спрятал безделушки под замок,
Теперь к ним рук не сможет протянуть,

Тайком пробравшись в дом, нечестный вор.

Все бриллианты пред тобою – хлам,
Был утешеньем, а теперь печаль:
Мне страшно доверять тебя замкам,
И оставлять добычей вора жаль.

Придётся запереть в моей груди,
Где вечно ты, хотя тебя там нет,
Открыты двери, можешь и войти,
А можешь и уйти в любой момент.

Такой трофей любого соблазнит –
Ни честность, ни запор не устоит.

49

Against that time (if ever that time come)
When I shall see thee frown on my def cts,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Called to that audit by advised respects;
Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was
Shall reasons find of settled gravity:
Against that time do I insconce me here
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand against myself uprear,
To guard the lawful reasons on thy part.
To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

49

Когда к тебе придёт прозренья час,
Ты разглядишь души моей изъяны,
Любовь её увидев без прикрас,
Начнёт менять свои мечты и планы;

Решив, что время подвести черту,
Пройдёшь без слов, едва коснувшись взглядом,
И встанешь отчуждённо за версту,
Не пожелав стоять со мною рядом,

Пойму твою холодность и решусь
Сказать себе, что наказанья стою,
Вверх руку подниму и поклянусь,
Что и закон, и правда, за тобою.

Имеешь право уходить вина,
За то, что нет причин любить меня.

50

How heavy do I journey on the way,

When what I seek (my weary travel's end)
Doth teach that ease and that repose to say,
'Thus far the miles are measured from thy friend.'
The beast that bears me, tired with my woe,
Plods dully on, to bear that weight in me,
As if by some instinct the wretch did know
His rider loved not speed, being made from thee:
The bloody spur cannot provoke him on
That sometimes anger thrusts into his hide,
Which heavily he answers with a groan
More sharp to me than spurring to his side;
For that same groan doth put this in my mind:
My grief lies onward and my joy behind.

50

Как тяжёлый путь, когда в его конце
Не праздный отдых с долгожданным другом,
А грустная улыбка на лице
От мысли: мы всё дальше друг от друга.

Конь, чувствуя её, едва бежит,
Устав нести меня и моё горе,
Умножить расстояние не спешит,
Поэтому не хочет бег ускорить.

Не помогают и удары шпор,
Когда, сердясь, коню в бока вонзаю,
Он тихо стонет, слушая укор,
Я сам сильнее лошади страдаю.

Прошу её: за шпоры не суди,
Ведь радость – сзади, горе – впереди.

51

Thus can my love excuse the slow offence
Of my dull bearer, when from thee I speed:
From where thou art, why should I haste me thence?
Till I return, of posting is no need.
O what excuse will my poor beast then find,
When swift extremity can seem but slow?
Then should I spur though mounted on the wind,
In winged speed no motion shall I know:
Then can no horse with my desire keep pace;
Therefore desire (of perfectest love being made)
Shall neigh (no dull flesh) in his fiery race,
But love, for love, thus shall excuse my jade:
Since from thee going he went wilful slow,
Towards thee I'll run and give him leave to go.

51

Я оправдал медлительность коня,

Не испытав за лень к нему вражды:
Друг с каждым шагом дальше от меня,
До возвращенья в спешке нет нужды.

Но как себя он сможет оправдать,
Когда и скорость для меня замрёт?
Готов я буду ветру шпоры дать,
Чтоб он летел ещё быстрее вперёд.

Мысль не догонит самый лучший конь,
Не может плоть желание догнать.
Стремясь к тебе, быстрее, чем огонь,
Любовь коня поможет оправдать:

Бежал от друга, замедляя рысь,
Я мчусь к нему, а ты не торопись.

52

So am I as the rich whose bless d key
Can bring him to his sweet up-lock d treasure,
The which he will not ev'ry hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.
Therefore are feasts so solemn and so rare,
Since, seldom coming, in the long year set,
Like stones of worth they thinly plac d are,
Or captain jewels in the carcanet.
So is the time that keeps you as my chest,
Or as the wardrobe which the robe doth hide,
To make some special instant special blest,
By new unfolding his imprisoned pride.
Bless d are you whose worthiness gives scope,
Being had, to triumph, being lacked, to hope.

52

Я как богач, чей ключ благословлён
Открыть пути к сокровищам редчайшим,
На встречу с ними редко ходит он,
Чтоб миг свиданья был всегда сладчайшим.

Торжественные праздники в ряду
Суровых будней всюду исключенье,
Они редки и смотрятся в году,
Как крупные бриллианты в ожерелье.

Вот так и время прячет от меня
Тебя, как платье, в чёрный шкаф разлуки,
Поэтому я рад сиянью дня,
Который прекращает мои муки.

Ты даришь мне и праздники свиданий,
И будни бесконечных ожиданий.

53

What is your substance, whereof are you made,
That millions of strange shadows on you tend,
Since every one hath, every one, one shade,
And you, but one, can every shadow lend?
Describe Adonis, and the counterfeit
Is poorly imitated after you;
On Helen's cheek all art of beauty set,
And you in Grecian tires are painted new;
Speak of the spring and foison of the year:
The one doth shadow of your beauty show,
The other as your bounty doth appear,
And you in every bless d shape we know.
In all external grace you have some part,
But you like none, none you, for constant heart.

53

Какою ты субстанцией рождён,
Взгляни вокруг, помимо личной тени,
Имеешь в услуженье миллион
Теней давно ушедших поколений?

Взгляни на бюст Адониса, ты – он,
С тебя, его лепил творец великий,
Красой Елены древний мир сражён,
Но и она – ты в греческой тунике.

Везде, взглядевшись, вижу я тебя:
В весне ты поражаешь красотой,
И в урожае узнаю, любя -
Лишь, он сравнится щедростью с тобою.

Во всякой красоте твоя есть часть,
Ты постоянству не даёшь пропасть.

54

O how much more doth beauty beauteous seem
By that sweet ornament which truth doth give!
The rose looks fair, but fairer we it deem
For that sweet odour which doth in it live.
The canker blooms have full as deep a dye
As the perfum d tincture of the roses,
Hang on such thorns, and play as wantonly,
When summer's breath their mask d buds discloses;
But, for their virtue only is their show,
They live unwooded, and unrespected fade,
Die to themselves. Sweet roses do not so,
Of their sweet deaths are sweetest odours made:
And so of you, beauteous and lovely youth,
When that shall vade, by verse distils your truth.

54

Нам кажется прекрасней красота,
В которой добродетель процветает,
У розы соблазнительней уста,
Когда над ними аромат витает.

Шиповник привлекателен на вид,
Шипы остры, да и растут не реже,
У лепестков не хуже колорит,
Казалось бы достоинства всё те же.

При броскости – цветы обделены
Вниманием, без славы увядают,
А розам, потому и нет цены,
Что запах не напрасно источают.

Его в себе настой духов хранит,
Как мой сонет в строке твой юный вид.

55

Not marble nor the gilded monuments
Of princes shall outlive this pow'rful rhyme,
But you shall shine more bright in these cont nts
Than unswept stone, besmeared with sluttish time.
When wasteful war shall statues overturn,
And broils root out the work of masonry,
Nor Mars his sword nor war's quick fire shall burn
The living record of your memory.
'Gainst death and all oblivious enmity
Shall you pace forth; your praise shall still find room
Even in the eyes of all posterity
That wear this world out to the ending doom.
So, till the Judgement that yourself arise,
You live in this, and dwell in lovers' eyes.

55

Ни мрамор, ни тиранов саркофаги
Не смогут пережить моих стихов,
Твой образ сохранится на бумаге,
Сотрут на камне пыль и грязь веков.

Пускай война и бунт руины множат,
Пусть статуи вождей падут в борьбе,
Меч Марса и пожар не уничтожат
В моих сонетах строфы о тебе.

Они назло пожарам и раздорам
Из века в век твой облик пронесут,
Потомки будут славить его хором,
Пока не остановит Божий суд.

Восстав из мёртвых в страшный день суда,

Узнаешь, что в сонетах жил всегда.

56

Sweet love, renew thy force, be it not said
Thy edge should blunter be than appetite,
Which but today by feeding is allayed,
Tomorrow sharp'ned in his former might.
So, love, be thou: although today thou fill
Thy hungry eyes even till they wink with fullness,
Tomorrow see again, and do not kill
The spirit of love with a perpetual dullness:
Let this sad int'rim like the ocean be
Which parts the shore, where two contracted new
Come daily to the banks, that when they see
Return of love, more blest may be the view;
As call it winter, which being full of care,
Makes summers welcome, thrice more wished, more rare.

56

Любовь моя, возобнови свой пыл,
Не дай сказать, что аппетит острее,
Объестся так, что белый свет не мил,
А утром встанет вдвое голоднее.

Ты будь такой, сегодня наглядись,
Проснись глаза пошире открывая,
И снова милым видом насладись,
Дух вялостью в себе не убивая.

Часы разлуки проводи в тоске,
Как будто разделили океаны,
Когда ждешь встречи на морском песке,
Тогда они особенно желанны.

А, если хочешь, их сравни с зимой,
В морозный день дороже летний зной.

57

Being your slave, what should I do but tend
Upon the hours and times of your desire?
I have no precious time at all to spend,
Nor services to do till you require.
Nor dare I chide the world-without-end hour
Whilst I (my sovereign) watch the clock for you,
Nor think the bitterness of absence sour
When you have bid your servant once adieu.
Nor dare I question with my jealous thought
Where you may be, or your affairs suppose,
But like a sad slave stay and think of nought
Save where you are how happy you make those.
So true a fool is love that in your will
(Though you do any thing) he thinks no ill.

57

Что может раб? Одно – покорно ждать,
Когда захочешь высказать желанье,
Готов любую прихоть исполнять,
Вся жизнь моя – сплошное ожиданье.

Не смею я в часы разлук роптать
На то, что ты продляешь ожиданье,
Считая время горько понимать,
Что бесконечным может быть изгнанье.

Боюсь я даже в мыслях, вопрошать:
Чем занят ты, и кто вокруг толпою,
Как верный раб могу, лишь, помечтать
О счастье тех, кто в этот миг с тобою.

Любовь глупа, вернешься – твердит снова:
– В его делах нет ничего дурного.

58

That god forbid, that made me first your slave,
I should in thought control your time of pleasure,
Or at your hand th'account of hours to crave,
Being your vassal bound to stay your leasure.
O let me suffer (being at your beck)
Th'imprisoned absence of your liberty,
And patience, tame to sufferance, bide each check,
Without accusing you of injury.
Be where you list, your charter is so strong
That you yourself may priviledge your time
To what you will; to you it doth belong
Yourself to pardon of self-doing crime.
I am to wait, though waiting so be hell,
Not blame your pleasure, be it ill or well.

58

Избави Бог, мне став твоим рабом,
Просить о развлечениях отчёты:
Следить, когда и кто приходит в дом
Делить с тобой веселье и заботу.

Я твой вассал, печальна моя роль,
В тюрьме разлуки ждать распоряжений,
Сносить отказ, не обвинять за боль,
Терпеть обиды от твоих решений.

Будь, где желаешь, ты в правах сильна,
Дари себя хоть делу, хоть, забаве,
Судить за прегрешения вольна,
Но и простить себя ты тоже вправе.

Добро и зло творишь для развлечения,
Жду не вина, хоть это и мученье.

59

If there be nothing new, but that which is
Hath been before, how are our brains beguiled,
Which, labouring for invention, bear amiss
The second burthen of a former child!
O that rec rd could with a backward look,
Even of five hundred courses of the sun,
Show me your image in some antique book,
Since mind at first in character was done,
That I might see what the old world could say
To this compos d wonder of your frame:
Whether we are mended, or whe'er better they,
Or whether revolution be the same.
O sure I am the wits of former days
To subjects worse have given admiring praise.

59

Коль всё старо, то новь – лишь повторенье,
Ум, заблуждаясь, с дедовских времён,
Нам выдаёт за новое творенье
Того, кто был давным – давно рождён!

О, как хочу я бросить взгляд в архивы,
Где постарев на долгих пять веков,
Найти, читая книги терпеливо,
Твоё лицо в старинной вязи слов.

Вглядеться и понять, как изменилось
Уменье совершенство описать,
У нас ли это краше получилось,
А может лучше предков не сказать.

Уверен, что они, опередив,
Хвалили тех, кто был не так красив.

60

Like as the waves make towards the pebbled shore,
So do our minutes hasten to their end,
Each changing place with that which goes before,
In sequent toil all forwards do contend.
Nativity, once in the main of light,
Crawls to maturity, wherewith being crowned,
Crook d eclipses 'gainst his glory fight,
And Time that gave doth now his gift confound.
Time does transfix the flourish set on youth,
And delves the parallels in beauty's brow,
Feeds on the rarities of nature's truth,
And nothing stands but for his scythe to mow.
And yet to times in hope my verse shall stand,

Praising thy worth, despite his cruel hand.

60

Волна – волну подталкивает в спину,
Пока о берег грудь не разобьёт,
Так и минуты до своей кончины,
Сменяясь на лету, спешат вперёд.

Мы к зрелости идём со дня рожденья,
Едва успев взглянуть на Божий свет,
В зените начинается старенье,
Повсюду оставляет время след.

Цвет юности в расцвете лет пронзает,
Морщинами уродует чело,
Всё лучшее в природе поедает,
Срезая, что дышало и цвело.

Я, вопреки безжалостной руке,
Спасу твои достоинства в строке.

61

Is it thy will thy image should keep open
My heavy eyelids to the weary night?
Dost thou desire my slumbers should be broken,
While shadows like to thee do mock my sight?
Is it thy spirit that thou send'st from thee
So far from home into my deeds to pry,
To find out shames and idle hours in me,
The scope and tenure of thy jealousy?
O no, thy love, though much, is not so great;
It is my love that keeps mine eye awake,
Mine own true love that doth my rest defeat,
To play the watchman ever for thy sake.
For thee watch I, whilst thou dost wake elsewhere,
From me far off, with others all too near.

61

Твоей ли волей ночью образ твой
Мне не даёт тяжёлых век сомкнуть?
Приходят тени схожие с тобой,
Пытаясь моё зренье обмануть.

А, может, это твой незримый дух,
Подсланный подглядывать за мной,
Пытается проверить лживый слух,
Неужто ревность властвует тобой?

О нет! Твоя любовь не так сильна,
В моей любви и истина, и суть,
Мне, предлагая стража роль, она
Мешает непробудным сном уснуть.

Тревожит думой острой как клинок:
К другим он близок, от меня далёк.

62

Sin of self-love possesseth all mine eye,
And all my soul, and all my every part;
And for this sin there is no remedy,
It is so grounded inward in my heart.
Methinks no face so gracious is as mine,
No shape so true, no truth of such account,
And for myself mine own worth do define,
As I all other in all worths surmount.
But when my glass shows me myself indeed,
Beated and chopped with tanned antiquity,
Mine own self-love quite contrary I read;
Self so self-loving were iniquity.
'Tis thee (my self) that for myself I praise,
Painting my age with beauty of thy days.

62

Грех себялюбья – стал владыкой глаз,
Душа и плоть теперь его владенья,
Он в сердце корнем глубоко увяз,
От этого греха нет исцеленья.

Прекраснее лица не нахожу,
Изящен стан, дух полон благородства.
Когда я самого себя сужу.
То вижу над другими превосходство.

Когда покажет зеркало меня
Потасканным, в сединах и морщинах,
Тогда твержу, себя за грех виня:
Чудовищна любовь к себе в мужчинах.

Хваля тебя – хвалюсь в себе тобою,
Украшив старость юною судьбою.

63

Against my love shall be as I am now,
With Time's injurious hand crushed and o'erworn;
When hours have drained his blood and filled his brow
With lines and wrinkles; when his youthful morn
Hath travelled on to age's steepy night,
And all those beauties whereof now he's king
Are vanishing, or vanished out of sight,
Stealing away the treasure of his spring:
For such a time do I now fortify
Against confounding age's cruel knife
That he shall never cut from memory
My sweet love's beauty, though my lover's life.

His beauty shall in these black lines be seen,
And they shall live, and he in them still green.

63

Когда мой друг войдёт в мои года
Разбитым и потрёпанным судьбою,
Кровь истощится, станет как вода,
Пойдёт к закату утро голубое.

Старуха старость постучится в дверь
Поблекнут краски царственные ныне,
А в довершение всех других потерь
Краса, как цвет весны его покинет.

От этих лет пытаюсь защитить
Я тороплюсь построить укрепление,
Когда захочет друга смерть убить
Спасу прекрасный облик от забвенья.

Защитой станет чёрная строка
В ней образ друга будет юн века.

64

When I have seen by Time's fell hand defaced
The rich proud cost of outworn buried age;
When sometime lofty towers I see down rased,
And brass eternal slave to mortal rage;
When I have seen the hungry ocean gain
Advantage on the kingdom of the shore,
And the firm soil win of the wat'ry main,
Increasing store with loss, and loss with store;
When I have seen such interchange of state,
Or state itself confounded to decay,
Ruin hath taught me thus to ruminate:
That Time will come and take my love away.
This thought is as a death, which cannot choose
But weep to have that which it fears to lose.

64

Безжалостна у Времени рука
Пощады нет богатству и гордыне,
И башню, простоявшую века,
И бронзу вечных статуй опрокинет;

Я вижу как голодный океан
Водой на царство суши наступает,
А берег волны рушит, как таран –
Баланс захватов и потерь равняет;

Чередованье этих перемен
Внушает, что закончится всё крахом,
Потери учат думать: грозен тлен,

В урочный час любовь погубит махом.

При этой мысли хочется рыдать
О том, что есть, но страшно потерять.

65

Since brass, nor stone, nor earth, nor boundless sea,
But sad mortality o'ersways their power,
How with this rage shall beauty hold a plea,
Whose action is no stronger than a flower?
O how shall summer's honey breath hold out
Against the wrackful siege of batt'ring days,
When rocks impregnable are not so stout,
Nor gates of steel so strong, but Time decays?
O fearful meditation! Where, alack,
Shall Time's best jewel from Time's chest lie hid?
Or what strong hand can hold this swift foot back,
Or who his spoil of beauty can forbid?
O none, unless this miracle have might,
That in black ink my love may still shine bright.

65

Раз бронзу, камень, твердь земли и море –
Всё бренность бытия разрушат в прах,
Как выжить красоте в неравном споре,
В ней стойкости не больше, чем в цветах.

Как может устоять дыханье лета,
Попав в осаду беспощадных дней,
Когда и с скалам не по силам это,
Железные ворота не прочней.

Пугает мысль: надёжных нет укрытий,
Где мой алмаз от Времени хранить,
Кто в силах удержать поток событий,
И красоту от порчи защитит?

Никто не совершал такого чуда,
Спасу любовь в чернилах – первым буду.

66

Tired with all these, for restful death I cry:
As to behold desert a beggar born,
And needy nothing trimmed in jollity,
And purest faith unhappily forsworn,
And gilded honour shamefully misplaced,
And maiden virtue rudely strumpeted,
And right perfection wrongfully disgraced,
And strength by limping sway disabled,
And art made tongue-tied by authority,
And folly (doctor-like) controlling skill,
And simple truth miscalled simplicity,

And captive good attending captain ill:
Tired with all these, from these would I be gone,
Save that, to die, I leave my love alone.

66

Устав, взываю к Смерти: – Нет терпенья
Достоинство с рожденья в нищете,
Нарядное ничтожество в веселье,
И вера позабыта в суете,

И почесть воздают не по заслугам,
И добродетель век глумясь растлил,
И совершенство оболгали слухом,
И мощь правитель в немощ превратил,

И власть лишила голоса искусство,
И знаниями блажь руководит,
И дурью честность нарекло холуйство,
И зло добру прислуживать велит.

Устав так жить, ушёл бы раньше срока,
Боюсь любовь оставить одинокой.

67

Ah wherefore with infection should he live,
And with his presence grace impiety,
That sin by him advantage should achieve,
And lace itself with his society?
Why should false painting imitate his cheek,
And steal dead seeming of his living hue?
Why should poor beauty indirectly seek
Roses of shadow, since his rose is true?
Why should he live, now Nature bankrupt is,
Beggared of blood to blush through lively veins,
For she hath no exchequer now but his,
And proud of many, lives upon his gains?
O him she stores, to show what wealth she had,
In days long since, before these last so bad.

67

Зачем он должен жить среди пороков,
Украшив их присутствием своим,
Чтоб тяжкий грех, укрывшись от упрёков,
Себя связал ещё прочнее с ним?

Зачем цвет мёртвых красок подражает
Румянцу его щёк, он нежно ал,
Зачем обман уродство украшает
Его лицо, приняв за идеал.

Зачем он должен жить, когда Природа,
Растратив кровь давно уже банкрот,

Казна её всё меньше год от года,
Живёт лишь тем, что у него берёт?

Она хранит его, чтоб с пьедестала
Нам показать, чем раньше обладала.

68

Thus is his cheek the map of days outworn,
When beauty lived and died as flowers do now,
Before these bastard signs of fair were borne,
Or durst inhabit on a living brow;
Before the golden tresses of the dead,
The right of sepulchres, were shorn away,
To live a second life on second head;
Ere beauty's dead fleece made another gay:
In him those holy antique hours are seen,
Without all ornament, itself and true,
Making no summer of another's green,
Robbing no old to dress his beauty new;
And him as for a map doth Nature store,
To show false Art what beauty was of yore.

68

Лицом мой друг похож на тех людей,
Когда краса жила и умирала,
Так, как сегодня цвет весенних дней,
Фальшивя, лбы живых не украшала;

Тогда ещё не стригли мертвецов,
Был локон достоянием могилы,
Наделав золотистых париков,
На голову не водружали милым.

Видна в нём благодать иных времён:
Прекрасное тогда не знало фальши,
Не убавляли лет, рядясь в бутон,
Не грабили людей слабей и старше.

Для верных, прежней красоте сердец,
Мой друг и был, и будет образец.

69

Those parts of thee that the world's eye doth view
Want nothing that the thought of hearts can mend;
All tongues (the voice of souls) give thee that due,
Uttering bare truth, even so as foes commend,
Thy outward thus with outward praise is crowned,
But those same tongues that give thee so thine own,
In other accents do this praise confound
By seeing farther than the eye hath shown.
They look into the beauty of thy mind,
And that in guess they measure by thy deeds;

Then, churls, their thoughts (although their eyes were kind)
To thy fair flower add the rank smell of weeds:
But why thy odour matcheth not thy show,
The soil is this, that thou dost common grow.

69

Твой внешний облик восхищает мир,
Прекрасно всё: походка, стать, хватка;
Все языки твердят, что ты кумир
И злейший враг не видит недостатков.

Все те, кто плоть прославили хвалой,
Воздали только то, что причиталось,
Но речь у них была совсем иной,
Когда души невидимой касалась.

Твоей души увидев красоту,
В догадках долго мерили делами,
Теперь твердят, забыв про доброту:
Цветок хорош, но пахнет сорняками.

В чём состоит причина всех проблем?
Разгадка : ты цветёшь доступный всем.

70

That thou are blamed shall not be thy defect,
For slander's mark was ever yet the fair;
The ornament of beauty is suspect,
A crow that flies in heaven's sweetest air.
So thou be good, slander doth but approve
Thy worth the greater, being wooed of time,
For canker vice the sweetest buds doth love,
And thou present'st a pure unstained prime.
Thou hast passed by the ambush of young days,
Either not assailed, or victor being charged,
Yet this thy praise cannot be so thy praise
To tie up envy, evermore enlarged:
If some suspect of ill masked not thy show,
Then thou alone kingdoms of hearts shouldst owe.

70

Навет не обличает твой порок,
Краса мишенью клеветы бывает;
Догадками чернит её намёк –
Как ворон в чистом воздухе летает.

Когда красив, у сплетен есть резон
Твердить, что ты соблазнам потакаешь,
Червь портит самый сладостный бутон,
Ты чистоту и совесть воплощаешь.

Ты миновал ловушки юных дней,

И вышел победителем из схваток,
Но в будущем нападки посильней,
Все прошлые от зависти задаток.

Легла тень подозренья, как венец –
Ты был бы без него король сердец.

71

No longer mourn for me when I am dead
Than you shall hear the surly sullen bell
Give warning to the world that I am fled
From this vile world with vildest worms to dwell;
Nay, if you read this line, remember not
The hand that writ it, for I love you so
That I in your sweet thoughts would be forgot,
If thinking on me then should make you woe.
Or if (I say) you look upon this verse,
When I (perhaps) compounded am with clay,
Do not as much as my poor name rehearse,
But let your love even with my life decay,
Lest the wise world should look into your moan,
And mock you with me after I am gone.

71

Когда умру, оплакивай меня
Не дольше, чем с церковей колоколами
Трезвонить будут, что сбежал кляня
За подлость мир, теперь в земле с червями.

Читая эти грустные слова,
Не вспоминай меня – того не стою,
Люблю так сильно, что даю права
Забывать меня, не мучаясь тоскою.

Когда в стихи заглянешь невзначай,
Мой бранный прах, возможно, станет глиной,
Поэта имя вслух не повторяй –
Пусть гибнет и любовь с моей кончиной.

Чтоб мир тебя не осмеял за плач,
Когда умру и грусть, и слёзы спрячь,

72

O lest the world should task you to recite
What merit lived in me that you should love,
After my death (dear love) forget me quite;
For you in me can nothing worthy prove,
Unless you would devise some virtuous lie
To do more for me than mine own desert,
And hang more praise upon deceased I
Than niggard truth would willingly impart:
O lest your true love may seem false in this,

That you for love speak well of me untrue,
My name be buried where my body is,
And live no more to shame nor me nor you:
For I am shamed by that which I bring forth,
And so should you, to love things nothing worth.
72

Чтоб злобный мир не требовал отчёта
За что и почему меня любил,
Умру – забудь, зачем тебе забота,
Не сможешь доказать, что прав ты был,

Пока, мои расхваливая свойства,
Себе на помощь ложь не позовёшь,
Напрасным будет всё твоё упорство,
Над правдою меня не вознесёшь.

А чтобы ложь нас пачкать не посмела,
И ты, хваля меня, не прятал глаз,
Пусть имя похоронят вместе с телом,
Тогда не сможет опозорить нас.

Сегодня мне за скудность дел обидно –
Тебе меня любить должно быть стыдно.

73

That time of year thou mayst in me behold
When yellow leaves, or none, or few, do hang
Upon those boughs which shake against the cold,
Bare ruined choirs, where late the sweet birds sang.
In me thou seest the twilight of such day
As after sunset fadeth in the west,
Which by and by black night doth take away,
Death's second self, that seals up all in rest.
In me thou seest the glowing of such fire
That on the ashes of his youth doth lie,
As the death-bed whereon it must expire,
Consumed with that which it was nourished by.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.